

НАРОДЫ СССР

Этническая история народов Севера/Отв. ред. Гурвич И. С. М.: Наука, 1982, 270 с.

Рецензируемый труд, выполненный коллективом сотрудников Отдела этнографии народов Севера и Сибири Института этнографии АН СССР, посвящен этнической истории народов Севера и Сибири и является непосредственным продолжением изданной в 1980 г. книги по этногенезу северных народов Евразии¹.

Задача этой коллективной монографии — обобщенная характеристика этнического развития всех коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока СССР с XVI—XVII вв. до начала XX в. Такое исследование проводится впервые и является результатом большой длительной работы по изучению этнической истории народов Севера.

В основу рецензируемой работы положены главным образом документальные материалы, многие из которых впервые вводятся в науку. Это разнообразные документы по сбору ясака, ревизские списки, официальные отчеты о численности населения, описания хозяйства и народного быта, церковные метрические книги, исповедные росписи и др. Авторы широко используют и свои полевые материалы — генеалогические и исторические предания, сведения о миграциях, о традиционной культуре и др. Ценность книги в ее энциклопедичности. Она содержит чрезвычайно важный этнографический и исторический материал и сама может послужить источником для будущих исследований.

Понять ход этнических процессов на Крайнем Севере помогают две карты-схемы расселения народностей Севера в XVII в. и в конце XIX в., а также свыше 20 таблиц, освещающих родовой и численный состав населения.

При характеристике этнического и этносоциального развития коренного населения Крайнего Севера Сибири авторы совершенно правильно, на наш взгляд, исходят из того, что предметную область этнической истории составляют процессы становления и развития историко-культурных общностей. Они рассматривают этническую историю не только отдельных народов, но и этнических и этнокультурных групп, а в ряде случаев и историю макроэтнолингвистических общностей.

Убедительным представляется выдвинутое в труде положение о том, что в XVII в. предки всех ныне существующих народов Севера «...представляли собой весьма аморфные образования, состоявшие из малосвязанных между собой племен, больших родов или диалектно-территориальных групп» (с. 264) и что их следует считать макроэтнолингвистическими общностями. Авторы по существу впервые и вполне справедливо отметили, что «процесс формирования северных народностей протекал крайне вяло и к началу XX в. был еще далек от завершения». В XIX в. облик, близкий к народности, приобрели лишь ненцы, чукчи, ханты, нанайцы (с. 264).

Книга состоит из «Предисловия», одиннадцати глав и «Заключения». Значительное внимание в большинстве глав книги уделяется вопросам изменения численности народов Севера, их расселения, этнического самосознания, а также этнокультурного, этноязыкового и этносоциального развития.

В кратком, но содержательном предисловии, написанном И. С. Гурвичем, обоснованы принципы подхода авторского коллектива к решению проблем этнической истории народов Севера в XVI — начале XX в., раскрыты основные факторы, существенно повлиявшие на ход этнических процессов в Сибири после вхождения ее в состав Русского государства и в период освоения сибирских земель русскими. Отмечая своеобразный, фискальный характер национальной политики царизма, И. С. Гурвич выдвигает как одно из основных положений книги утверждение о том, что усилия местных и центральных властей «... были направлены не на истребление коренного населения, а на превращение его в исправных плательщиков налогов, в поставщиков ценной пушнины» (с. 3).

В «Предисловии» подчеркивается, что при определении общей численности всего населения по числу ясачных плательщиков применялись «разные коэффициенты в зависимости от местных условий» (с. 5). Это привело к выработке более объективных коэффициентов, которые позволили в ряде случаев более точно определить численность отдельных групп и народов Севера.

В первой главе — «Обские угры (ханты и манси)», написанной З. П. Соколовой, восстанавливается картина расселения этих групп в XVI—XVII вв. Бесспорная заслуга автора — выявление процессов этнического взаимодействия манси и хантов друг с другом, а также с коми, татарами, ненцами, селькупам, кетам. Ценными являются материалы по бракам обских угров в XVIII—XIX вв., а также анализ их фамильного состава. Однако отдельные утверждения автора, на наш взгляд, слишком категоричны. Так, на с. 37 выдвигается тезис об угорском происхождении барабинских татар, в то время как последними исследованиями выявлена сложность и многокомпонентность формирования разных групп татар Барабинской степи².

Вторая глава — «Ненцы и энцы», посвященная этнической истории двух родственных самодийских народов, итог многолетней работы В. И. Васильева³. Следует отметить строгую документированность выводов автора о смене родových отношений соседско-территориальными. Однако понимание автором патронимии нуждается в дополни-

¹ Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980.

² Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск, 1981, с. 156—167; Богомолов В. Б. Орнамент барабинских татар как исторический источник. — В кн.: Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979, с. 206—210.

³ Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979.

тельном разъяснении. Так, на с. 60 В. И. Васильев пишет, что «патронимии хантыйских „самоедов“ ...состояли только из одной большой или даже малой семьи». Складывается впечатление, что В. И. Васильев ведет речь не об определенном виде социальной организации — патронимии, а о генеалогической группе. В данной главе рассматривается и ряд спорных вопросов. Так, например, автор весьма убедительно возражает против существующего мнения, что родовая организация канинских и тиманских ненцев уже к началу XVIII в. была окончательно разрушена, и предлагает временем завершения этого процесса считать середину XIX в.

В третьей главе — «Нганасаны» (автор Ю. Б. Симченко) подробно раскрывается формирование и этническое развитие групп нганасан, их смешение с эвенками, энцами и другими соседними этническими образованиями, усиление контактов с русскими со второй половины XIX в. Автор много места отводит анализу этносоциальных процессов. В заключении он приходит к выводу, что «оформление известной пятиродовой системы у нганасан заняло около 200 лет, то есть жизнь восьми поколений» (с. 99).

Глава «Кеты», на наш взгляд, является одной из наиболее удачных. Е. А. Алексеевко сумела поставить и решить целый комплекс вопросов, связанных с этноисторическими процессами на енисейском Севере. Подробно освещает она результаты контактов разных групп кетов с селькупам, энцами, эвенками; рисует общую картину расселения всего коренного населения Туруханского края в начале XX в.; исследует этносоциальные и этнокультурные процессы. Е. А. Алексеевко обращает внимание на медленные темпы сближения кетов с русским населением, на отчужденность коренного населения, обусловленную в прошлом «...не только спецификой его культурно-бытового уклада и языковым барьером, но и крайне низким уровнем жизни, бесправным положением изгоев» (с. 114).

В. В. Лебедев и З. П. Соколова в главе «Селькупы» уделяют большое внимание характеристике племенного состава и расселению южных (нарымских) и северных групп селькупов, уточнению их численности в XVII—XVIII вв., выявлению роли этнических связей с хантами, кетами, татарами, энцами. На наш взгляд, следовало бы разъяснить причины раздробленности тазовских селькупов на мелкие «фамильные» группы. Однако в целом авторам удалось убедительно обосновать выдвинутое ими положение о завершении процесса формирования этнографической группы северных селькупов во второй половине XIX в.

Главы «Эвенки» и «Эвены» (автор В. А. Туголуков) посвящены близкородственным народам, широко расселившимся на сибирских просторах. Подробный анализ разных видов источников позволил довольно полно раскрыть картину расселения эвенков по Средней Сибири и Дальнему Востоку. Автор подробно рассматривает процесс растворения эвенков-скотоводов Южного Забайкалья в русском и бурятском населении на протяжении XVII—XIX вв., раскрывает роль эвенков и эвенов в формировании ряда современных тунгусоязычных народов Нижнего Амура, Сахалина и Приморья, скрупулезно исследует проблему этнической истории эвенов-оленьеводов, судьбу пеших эвенов, вливавшихся к началу 1920-х годов в состав русских старожилов и отчасти в состав якутов и коряков.

Большая заслуга в изучении этнической истории народов севера Восточной Сибири и в целом Северо-Востока Сибири несомненно принадлежит И. С. Гурвичу — автору двух книг, специально посвященных этой проблеме⁴. В рецензируемой коллективной монографии ему принадлежат главы «Юкагиры», «Северные якуты и долганы», «Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы». В результате обстоятельной характеристики этнического развития юкагиров, исследования процессов слияния разных их групп с якутами, эвенками, русскими, И. С. Гурвич приходит к выводу, что «юкагирская этнолингвистическая общность в течение трех столетий практически распалась, ...и только в бассейне Колымы сохранились два реликтовых островка этого населения» (с. 179). Подробно рассматривает он и процессы формирования из якутов, русских и тунгусов к середине XIX в. этнографической группы северных якутов-оленьеводов, а из якутов, обьякученных эвенков и русских старожилов — новой, близкой по типу к народности, особой этнической общности долган. Обоснованными представляются и выводы И. С. Гурвича о становлении в дореволюционный период народности чукчей, об этническом развитии коряков на уровне локальных обособленных подразделений, о процессах сближения и слияния народности ительменов-камчадалов с русским старожильческим населением Камчатки, об ускорении ассимиляции береговых эскимосов чукчами.

Глава «Народы Нижнего Амура и Сахалина» (автор А. В. Смоляк) посвящена этнической истории нивхов, негидальцев, ульчей, нанайцев, орочей, удэгейцев, ороков, эвенков и других этнических образований этого сложного по национальному составу региона. В ней прослеживаются процессы формирования амурских народностей, изменения их этнической территории, ассимилятивные процессы, влияние русских на перестройку внутри этнических ареалов этого региона.

Завершает работу пространное «Заключение», написанное И. С. Гурвичем. В нем правильно указано, что «значительной спецификой этнического развития отличались не только отдельные общности, но и их подразделения, крупные локальные группы» (с. 262). В связи с этим возникает необходимость более глубокого исследования этнических процессов в отдельных подразделениях этносов и макроэтнолингвистических общностей. И. С. Гурвич приходит к выводу, что процесс формирования многих северных народностей к началу XX века был еще далек до завершения.

⁴ Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966; *его же*. Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977.

Рецензируемая монография не лишена, однако, отдельных недостатков. Так, в главах «Ненцы и энцы», «Нганасаны», «Селькупы» слабо освещен вопрос об этническом самосознании. В главах «Нганасаны», «Селькупы», «Эвены» почти не рассматриваются этноязыковые процессы, а в главах «Обские угры (ханты и манси)», «Ненцы и энцы», «Нганасаны» и «Селькупы» недостаточно раскрыт ход этнокультурных процессов. Только в главах «Обские угры», «Нганасаны», «Кеты», «Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы», «Народы Нижнего Амура и Сахалина» имеются сведения историографического характера. К сожалению, в работе отсутствует специальная глава о состоянии изученности проблемы этнической истории народов Севера. Глава историографического плана в подобной монографии представляется не только уместной, но и необходимой, так как она помогла бы объективнее оценить достижения современной науки в исследовании данной проблемы. В работе почти не использованы данные археологии и антропологии, хотя их роль в этнической истории XVI—XVIII вв. довольно велика. Непонятным представляется выделение в одном ряду с этнографическими еще диалектными (с. 265) и локальными (с. 263) групп. На наш взгляд, правомернее для периода разложения родового строя и периода патриархально-родового общества употреблять термин «патриархальная семья, либо «семейная община», а не термин «большая семья», встречающийся во многих главах книги. Его, на наш взгляд, правильнее применять в отношении неразделенных семей классового общества.

Рассмотренная нами книга безусловно вносит немалый вклад в освещение неясных или вовсе нерешенных вопросов этнической истории народов Севера. Представляется, однако, что работу по определению типов этнических общностей у каждого этнического образования в разные периоды следует продолжить и углубить.

Обобщающий коллективный труд, посвященный этнической истории народов Севера в XVI — начале XX в., сразу стал заметным явлением в этнографии и в исторической науке в целом. Он, несомненно, будет способствовать дальнейшему углубленному и целенаправленному проведению этнографических исследований.

В. М. Кулемзин, Н. А. Томилов

Е. И. Деревянко. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. Очерки этнической истории и культуры. Новосибирск: Наука, 1981. 333 с.

Рецензируемая книга посвящена этнокультурной истории мохэ — народа, генетическая преемственность которого прослеживается в истории бохайцев, чжурчженей, а в наши дни — всех тунгусо-маньчжурских народов бассейна Амура. Мохэ стоят первыми в этой генеалогической цепи этносов, о них известно менее, чем о других, и поэтому всестороннее изучение их этнокультурной истории, проведенное Е. И. Деревянко, имеет большую ценность.

Как определила свою задачу Е. И. Деревянко, ей предстояло перейти от исследования конкретных археологических культур и памятников к более высокому уровню обобщения, к воссозданию этнической истории мохэ. И в целом, надо сказать, ей удалось решить поставленную задачу. Для этого потребовалось сопоставить разрозненные данные письменных источников, в основном древнекитайских и отчасти древнеяпонских хроник, с накопившимися за последние годы обширными археологическими материалами, учесть данные палеоантропологии, проследить и проанализировать разнообразные этнографические параллели.

Предшественниками мохэ, как пишет Е. И. Деревянко, были в Приамурье и в Приморье племена урильской и янковской, а позже польцевской культуры. Носителей всех этих культур она считает этнически родственными между собой, но отличающимися от мохэ, которые появляются здесь с IV в. н. э., сменяя и, очевидно, постепенно ассимилируя носителей польцевской культуры. К VII в. н. э. территорию Среднего и Нижнего Амура, а также Приморья занимала этническая общность, которая в течение многих веков развивала и совершенствовала свою материальную и духовную культуру. На ее основе в дальнейшем вырастают первые на юге Дальнего Востока государственные объединения — Бохай и Цзинь (с. 32). Этот этнический массив тунгусо-маньчжурской общности отражен в летописных источниках под именами суньей, илоу, уцзи, мохэ, чжурчжень.

Данные письменных источников о хозяйственной деятельности мохэ и родственных им племен противоречивы, но в сочетании с археологическими источниками позволяют воссоздать достаточно полную картину. Одна из самых важных деталей этой картины — развитие металлургии железа. В предшествующих культурах железо присутствовало, но сосуществовало как материал для орудий с камнем, а с появлением на исторической арене племен мохэ оно становится основным материалом для орудий.

Рассматривая историю земледелия в Приамурье, Е. И. Деревянко подчеркивает, что оно было распространено здесь еще с неолита, а в рассматриваемое время стояло на довольно высоком агротехническом уровне, будучи не подсечным, а пойменным, и возможно, существовал здесь севооборот и были, видимо, распространены зеленые удобрения. Плужное земледелие, по приводимым ею материалам, имеет западные (среднеазиатские) истоки и сменило мотыжное в Приамурье и Маньчжурии раньше, чем в Китае. В скотоводстве у мохэ основную роль играли коневодство и свиноводство, был распространен и рогатый скот. В то же время в хозяйстве продолжали сохранять нема-